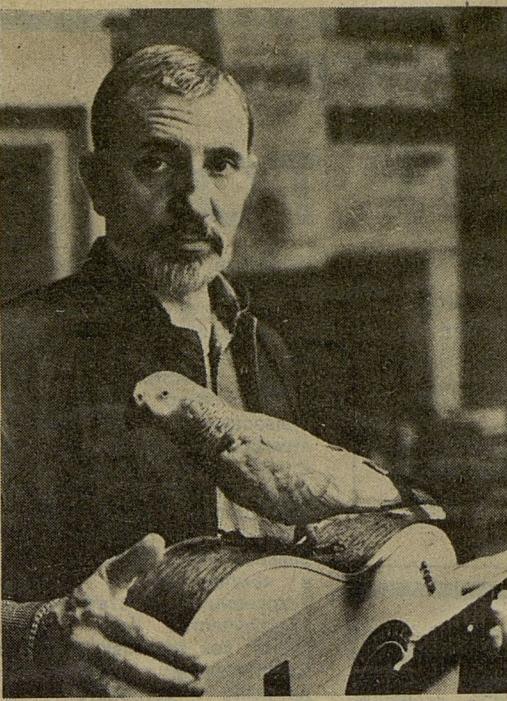

ЛЕНИНСКОЕ ЗНАМЯ
г. Москва

• 20 МАРТА «ЛЕНИНСКОЕ ЗНАМЯ» • 1988

* Встреча с интересным человеком

**Виктор Иванович
МЕРЕЖКО,**
драматург, киносценарист,
лауреат Государственной
премии СССР 1987 года

Пять лет назад, когда на экраны вышел фильм «Полеты во сне и наяву», он сразу же стал гвоздем киноафиши года. Главный герой картины Сергей Макаров, до беспощадности узнаваемый, открыл для нас феномен нового антигероя — отнюдь не положительного, но нельзя сказать, чтобы такого уж отрицательного, тип современного «лишнего» человека.

В титрах стояло: автор сценария — Виктор Мережко. Именно с этой картины, получившей сегодня заслуженное признание — Государственную премию СССР, засветилось в советской кинодраматургии новое, интересное имя.

Надо сказать, что и этому времени Мережко уже достаточно плодотворно трудился — им были написаны сценарии к картинам «Уходя — уходи», «Здравствуй и прощай», «Вас ожидает гражданка Никанорова», «Родня» и другим. Сегодня на его счету двадцать сценариев.

Материал для его произведений — сама жизнь, наша действительность, наше общество, люди вокруг нас. Драматург пишет о том, что сам хорошо знает. Но вот парадокс. Посмотрев картину с такими узнаваемыми героями Мережко, вдруг начинаешь сильно сомневаться: а так ли уж понятны мотивы поведения твоих близких, друзей, знакомых, соседей? Оказывается, очевидное может быть не менее загадочным, даже странным.

Мережко заставляет задуматься.

УЧИТЬСЯ СОСТРАДАНИЮ

— Виктор Иванович, сегодня у вас есть какая-то основная, главная тема?

— Конечно, есть. Вечная тема человеческих взаимоотношений. Любит — не любит, добрый — злой, преданность или предательство. Это суть любой драматургии. Вот Шекспир. Есть ли у него хоть одна пьеса о том, как в то время плавили сталь в Англии? Даже король Лир у него не вдается в технологию королевской власти, его волнует, что нравственно, что безнравственно. Он раскладывает сердце человеческого, и поэтому произведения Шекспира вечны.

Это уже наши «специфические» представления об искусстве социалистического реализма — надо показать героем человека труда, образцового. Он не должен ни пить, ни курить, ни изменять, ни хулиганить, ни сквернословить, перевыполнять план на 160 процентов... Ну покажи такого на экране, тот же дядя Вася, который после смены в кино пошел, помидором гнилым в него бросил! Потому что ему эта конфета сладкая-пресладкая не нужна совершенно.

На мой взгляд, у нас был взят курс трагически неверный. Нет ни в одной драматургии мира производственной темы. А мы ею так увлеклись, что породили целый отряд авторов — людей в общем-то талантливых, понимающих и сюжет, и характеры, но... Вдруг выяснилось, что производственные пьесы сейчас умерли. Нет сейчас интереса к этим темам, зритель на них не пойдет, любая газета сегодня интереснее производственной пьесы. Сегодня этот жанр уже не нужен. Он просто исчез. Само такое направление было не только временное, но и уродливое.

— Но чем же тогда, на ваш взгляд, заниматься сегодняшней драматургии?

— Считаю, что ей нанесен колоссальный вред. Мы совершенно разучились понимать человеческое сердце, человеческую душу. Мы не понимаем, что люди могут страдать, мучиться, идти на подвиг не только ради высокого перевыполнения плана, но и ради любви. Выяснилось, что весь мир работает на человеческих отношениях, а мы — на получеловеческих. Выяснилось, что у нас практически нет драматургов, которые могли бы понять по-настоящему душу человека.

Вот сейчас говорят: пишите всё. И опять в результате перекос: стали гнать «чернуху» — алкоголизм, наркомания, проституция. А «чернуху» писать легко, тут уже не думаешь о качестве, лишь бы материал был сенсационным. Напиши, например, сценарий фильма о проститутках из гостиницы на набережной — толпа повалит. Она не будет анализировать, как это сделано. Главное — сенсация, ведь об этом в советском кино еще не говорили. Через год снимут по-настоящему талантливый фильм на эту же тему — интереса уже не будет.

Вообще на хорошие пьесы голод. Сейчас в кино больше работающих авторов. В театре же просто нечего ставить, хотя создается 500 пьес в год! И все они оплачиваются. А хорошо, если из этих 500 — 50 ставится.

— Судя по вашим словам, Виктор Иванович, ваш угол зрения не изменился от перемены общественного атмосферы?

— Да, она на меня не повлияла, но я сам на себя повлиял. Я стал старше, взрослее, опытнее. Если начинал с деревенских чудачков — «Здравствуй и прощай», «Трын-трава», «Вас ожидает гражданка Никанорова» — в манере, близкой Шукшину, то сейчас уже не пишу о них. Ушло из литературы направление чудачества. Надолго ли?

В лентах «Родня», «Полеты...» «Прости» стал брать человеческие отношения. Но сейчас понимаю — предстоит новый этап. Думаю, он начнется пьесой «Женский стол в «Охотничьем зале», которая ставится в московских театрах. Здесь предметом драматического исследования становится тяжелое состояние души, муки, страдания, момент крайности. Задача неимоверно сложная для автора. Я бы так охарактеризовал все творчество Шукшина: от деревенской темы к городской, а далее — к острой теме инфантилизма в нашем обществе.

Вот сейчас призывают: пишите обо всем. Но думаю, лучше все же сказать: пишите настоящее.

— Иначе появляются конъюнктурные пьесы, сценарии?

— Да, спекуляций уже достаточно. Стоит, наверное, драма-

тургам подумать над тем, что «правда-матка» завтра кончится, а останется только истинное, настоящее и человеческое. Ведь даже в самом страшном и грязном можно найти подлинную драму: в трагедии алкоголиков и наркоманов — любовь, муки сердца. У них тоже есть душа, хоть и изуродованная. Осуждать проще всего, а вот посочувствовать людям, попытаться понять, помочь...

— Наверное, именно такое отношение вызвал у большинства из нас герой фильма «Полеты во сне и наяву» Сергей Макаров. Похожих людей вы, наверное, встречали в жизни?

— Конечно. Очень много. Особо в провинции.

— Кстати, случайно ли, что действие большинства ваших фильмов и пьес разворачивается не в столичных городах, а в маленьких местечках?

— Не случайно. Провинция больна так же, как и Москва, но там все более наглядно, очевидно, даже драматичнее. В Москве можно спрятаться. В маленьком городке не спрячешься никогда. Боль России всегда была видней именно в провинции. Возьмите Гоголя, Тургенева, Чехова... Действие многих произведений русских писателей разворачивается именно там.

Что же касается Сергея Макарова, то толчок в принципе произошел от того, что, приезжая к старшему брату в другой город, я видел безумно захлывающие будни КВ, где он работал. Все там знают друг о друге все, сто раз перелюбили и переневидели друг друга. Перспектив — никаких. Только стоять у кульяна и чертить с утра до вечера. Это ведь драма. И сама атмосфера там какая-то очень тяжелая. Все они равнодушны, не заинтересованы ни в чем. Живут от полочки до полочки, от вечера до утра. А сколько там нереализованных судеб!

Трагичная, по моему, сложилась сегодня у нас ситуация с технической интеллигенцией. Она тоже продукт нашего времени и общества. Это полунинтеллигенты. С одной стороны, много читают, понимают, видят; с другой стороны, их существование таково, что они должны биться за рубль насуточный. И эта озабоченность не делает их интеллигентами, хотя технократы зачастую более образованны и эрудированны, чем гуманитарии. Это, может быть, одна из самых трагических прослоек нашего общества.

— Интересно, как бы Сергей Макаров повел себя сегодня?

— Думаю, что в сегодняшней ситуации, когда раздаются призывы развивать активность, энергичность, инициативность, он стал бы одним из самых ярких противников перестройки. Он уже не хочет. Он уже не может. Он привык ни за что не отвечать. «Что «давай?» — спросит он. — Я уже вот так дал. Мне скоро 50, мальчики, нашли. А если завтра «давай-давай» кончится?». То есть цинизм, недоверие, сомнения его настолько глубоки, что они никак не могут уйти сами по себе. Поэтому, анализируя этот образ, понимаешь, что сегодня он будет врагом всего происходящего, помощником — ни в коем случае.

Кстати, сейчас в Киеве запущен сценарий «Автопортрет неизвестного» (режиссер Вячеслав Криштофович). Главного героя, который живет в автомобиле, будет, видимо, тоже играть Янковский. Но это не завершение «Полетов...». Мы договорились с Балояном и Янковским, что история Сергея Макарова закончится через три-четыре года. Янковскому в то время будет как раз пятьдесят лет. В нынешнем фильме будет как бы два фильма — Макаров попадет в кинозал, где увидит себя издали и с ощущением, что жить ему дальше нельзя... Два разных персонажа, два разных состояния в одной картине.

— Виктор Иванович, на ваш взгляд, почему картина сегодня получила высокое признание?

— Были большие и противоречивые споры. При осуждении мнения разделились. Одни были резко «за», другие не менее резко «против». Но меня это радует: значит, картина жива, хотя с момента ее выхода и прошло пять лет.

Почему же все-таки дали премию? Это, по-моему, признание попытки исследовать, может быть, подсознательно, драматический факт нашей жизни — факт убийства личности при помощи равнодушия, безразличия, при отсутствии перспективы, желания что-то делать. Это разговор, размышление об одиночестве души в нашей жизни.

— И все же, Виктор Иванович, если говорить о ваших героях, то Макаров не совсем типичный случай, хоть и очень интересный. В центре большин-

ства ваших фильмов — женщины в разных ситуациях. Почему вас интересует фигура нашей современницы? Что тревожит в ее душевной организации сегодня?

— Все правильно, но... Упущено, что в картинах о женщинах ведь очень много мужчин. Но они настолько неинтересны как личности, настолько инфантильны и недостойны женщин, что отступают на задний план.

Почему женщина? Потому что, во-первых, грядет матриархат, это очевидно. Вы посмотрите, как девочки берут мальчиков. Сейчас не говорят: «Она вышла замуж», а говорят: «Она взяла мужа». Девушки настолько сильны, властны, даже агрессивны в своем поведении, что они именно берут мужчин. А тем очень нравится такая пассивная роль. Выросла целая плеяда мужчин, обижающихся на судьбу и на женщин. Вот что страшное.

То, что женщина становится на место мужчин, это закономерность и драма общества. Не знаю, как на Западе, но знаю, что у нас мужчины, уже входя в дом, боится жены. Ведь зачастую он и работает хуже, чем женщина, и получает меньше... Зачем же ему отвечать за семью, за жену? Она сама за себя ответит. Он — лицо незаинтересованное.

Да, я люблю женщин, грех не любить их. И то, что я на первый план вывожу именно прекрасную половину человечества, — это потому, что вижу тут знак времени. Какие перспективы для мужчин? Может быть, повлияет ситуация перестройки, если сдадутся бюрократы, если у мужчин появится желание и возможность как-то развить инициативу. Может, он тогда и изменит свое поведение? А надолго ли? Не думаю. Женщины тут же перехватят и власть, и инициативу. Вы сильны, у вас замечательная хватка, но вы сами страдаете уже от своей эмансипации. Но хотя и плачетесь, ругаете свое положение, а позиций уже не отдадите. Потом, не будем забывать об инстинкте материнства. Мать будет защищать себя во имя материнства. При этом мужчина становится маленьким ребенком. Ворча на него, злясь на него, она его защищает. Поистине, дите малое и большое, пять лет и пятьдесят...

Это издержки перемены мест. Вообще же женщина может быть фигурой более трагичной, нежели мужчина. Он трагичен по своей незаинтересованности, а она — по страстному желанию спасти мир.

— Значит, вам писать женские характеры интереснее?

— Она ведь непредсказуемое существо. Сейчас поступаю вполне нормально, логично, а через полчаса... Любуй ее поступок может быть оправдан тем, что она женщина. Вы о себе знаете мало... Женщина поступает эмоционально, так как у нее очень хорошее чутье на ситуацию. Поэтому писать женские характеры легко, закручивать их во взаимоотношениях с мужчинами тоже легко. Ну, а еще у меня, может быть, и предрасположенность какая-то к этому есть. Моя мама была интересной женщиной во всех смыслах, может быть, это باعث сыновья и срабатывает... Кто знает? Во всяком случае, мне это интересно. Но самое главное — через женщин я пытаюсь передать характер нашего общества. Ведь какая женщина — таково и общество. Если она красивая, ухоженная, прекрасно выглядит — значит, нормально построены человеческие отношения в обществе...

— В заключение — какие темы сегодня подсказывает жизнь?

— Меня пугают равнодушные люди друг к другу, их незаинтересованность и — самое страшное — отсутствие не только сострадания, но даже желания, посылка к нему хоть маленького! Посмотрите вокруг нас — раздражительность, злость, агрессивность, невнимательность, нелюбезность, недоброta. Они стали спутниками нашей жизни.

А ведь не будем забывать, что есть еще и люди-изгой, выкинутые обществом. И их нужно не добывать, а им нужно сострадать. Об этом и будет мой сценарий для Киностудии имени Горького.

Что конкретно еще? Пьесу «Женский стол в «Охотничьем зале» в Москве поставил сейчас театр имени Станиславского. Александр Митта заканчивает советско-японскую картину по моему сценарию, который называется «Шар». Уже сдан второй советско-японский мультфильм «Приключения пингвиненка Лоло». Снимается на «Беларусьфильме» «Повестка в суд». На студии «Ленфильм» весной запустится «Собачий пир». В работе еще несколько сценариев. Жизнь сегодня щедра на темы.

Беседу вела
Н. БОБРОВА.